

ЖОРЖ СИМЕНОН

Зесь Мелрз

БЕДНЯКОВ
НЕ
УБИВАЮТ...

Жорж Сименон
Бедняков не убивают...
Серия «Комиссар Мегрэ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124763

Оригинал: Georges Simenon, "On ne tue pas les pauvres types", 1947

Перевод:

П. Глазовой

Содержание

I. Убийство человека в нижнем белье	4
II. Убийца с больной печенью и любитель канареек	22
III. След рыбака с удочкой	41
IV. Четвертая жизнь Мориса Трамбле	49

Жорж Сименон

«Бедняков не убивают...»

I. Убийство человека в нижнем белье

«Бедняков не убивают...»

На протяжении двух часов эта дурацкая фраза приходила Мегрэ на память раз десять или двадцать, она преследовала его, словно назойливый припев случайно услышанной песенки, она вертелась и вертелась у него в голове – и невозможно было от нее отделаться, он даже несколько раз произнес ее вслух. Потом у нее появился вариант:

«Людей в нижнем белье не убивают...»

Августовский, по-отпускному пустоватый Париж изнывал от зноя. Жарко было уже в девять утра. В обезлюдевшей префектуре царила тишина. Все окна, обращенные к набережным, были распахнуты настежь. Войдя к себе в кабинет, Мегрэ первым делом скинул пиджак. В эту минуту и раздался звонок от судьи Комельо.

– Загляните-ка, пожалуйста, на улицу Де-Дам. Этой ночью там произошло убийство. Комиссар полицейского участка рассказал мне какую-то длинную, путаную историю. Он сейчас на месте происшествия. Из прокуратуры туда раньше одиннадцати никто прибыть не сможет.

Уж это всегда так: только ты собрался провести спокойный денек в тишине, в прохладе – бац! – сваливается на тебя какая-то дрянь, и все к черту!..

– Идем, Люка?

Конечно, легковушку оперативной группы успели куда-то услатить, и надо было добираться на метро, где пахло хлорной известью и где Мегрэ вдобавок пришлось загасить трубку.

...Нижний конец улицы Де-Дам у выхода на улицу Батиньоль. Солнце печет. Сутолока. Пестрота. На тележках вдоль тротуаров – горы овощей, фруктов, рыбы. Перед тележкой плотной стеной – хозяйки, осаждающие всю эту снедь. Разумеется, у дома, где произошло убийство, толпится народ, мальчишки, пользуясь случаем, носятся взад-вперед, визжат, орут.

Обыкновенный семиэтажный дом. Для съемщиков с более чем скромным достатком. В нижнем этаже – прачечная и лавка угольщика. У подъезда стоит полицейский.

– Комиссар ожидает вас наверху, мосье Мегрэ... Это на четвертом. Проходите, господа, проходите!.. Ну что тут смотреть... На дороге-то хоть не стойте, посторонитесь!

Какое преступление могло совершиться здесь, в этом до-

ме, где живут маленькие, незаметные люди – народ, как правило, честный? Какая-нибудь драма любви и ревности? Но фон даже для этого неподходящий.

Четвертый этаж. Широко распахнутая дверь, за ней кухня. Там шумная ребячья возня. Их трое или четверо – подростки лет по двенадцати-шестнадцати. И женский голос из другой комнаты:

– Жерар, оставь сестру в покое, слышишь!..

Голос визгливый и в то же время усталый, такой иногда бывает у женщин, потративших всю жизнь на мелочную борьбу с повседневными невзгодами.

Входная дверь отворилась, и Мегрэ увидел жену убитого. Это она кричала сейчас на Жерара. Рядом с ней стоял участковый полицейский комиссар. Мегрэ пожал ему руку.

Женщина взглянула на Мегрэ и вздохнула, точно говоря: «Еще один!»

– Это комиссар Мегрэ, – объяснил участковый, – он будет вести следствие.

– Значит, рассказывать все сначала?

Комната, которая одновременно служит и гостиной и столовой, в одном углу – радиоприемник, в другом – швейная машина. В открытое окно врывается уличный шум, дверь на кухню тоже открыта, и оттуда несутся крики и визг детей. Но вот женщина прикрыла дверь, и голоса смолкли, точно внезапно выключенное радио.

– Такое могло случиться только со мной, – проговорила

она со вздохом. – Садитесь, мосье. Может быть, выпьете чего-нибудь? Я подам. Прямо не знаю...

– Расскажите мне, но только ясно и просто, как это произошло.

– Так ведь я ничего не видела, что же я буду рассказывать?.. Мне все кажется, будто и не было ничего. Вернулся он домой, как всегда, в половине седьмого. Он никогда не опаздывал. Мне даже приходится всякий раз давать ребятам шлепка, потому что он любил садиться за стол сразу, лишь только придет...

Она говорила о своем муже, чей портрет – увеличенная фотография, где они сняты вместе, – висел на стене. И не потому, что трагически погиб ее муж, эта женщина выглядела такой подавленной и несчастной. С портрета она тоже смотрела пришибленно и покорно, будто на ее плечи были взвалены все тяготы мира.

Что касается мужа, то фотография запечатлела усы, крахмальный стоячий воротничок и лицо, выражавшее самую безоблачную невозмутимость, в этом человеке все было так заурядно, так ординарно, что, встретив его даже в сотый раз, вы бы не обратили на него внимания.

– Он вернулся в половине седьмого, снял пиджак и повесил его в шкаф со своими вещами он всегда обращался аккуратно, это надо правду сказать... В восемь пришла Франсина – она работает, я еще оставила ей обед на столе...

Вероятно, она уже рассказывала все это полицейскому ко-

миссару, но чувствовалось, что, если бы от нее потребовали, она могла бы повторять свой рассказ снова и снова, все тем же плаксивым голосом, и взгляд у нее был бы при этом все такой же тревожный, как будто она боялась что-нибудь забыть.

Ей было лет сорок пять, и в молодости она, вероятно, была хорошенькой, но с тех пор прошли долгие годы, а ее каждый день с утра до вечера одолевали домашние заботы...

– Морис уселся на свое любимое место, у окна... как раз там, где теперь сидите вы. Это его кресло... Он читал книгу, но иногда вставал, чтобы отрегулировать радио...

В этот вечерний час в домах на улице Де-Дам нашлось бы, наверное, не меньше сотни мужчин, занятых тем же самым, – мужчин, которые, отработав целый день в конторе или в магазине, отдыхали теперь у раскрытого окна за чтением книги или вечерней газеты.

– Надо вам сказать, что он по вечерам никогда не гулял. То есть один, без нас. Раз в неделю мы ходили в кино, все вместе. ...А в воскресенье...

По временам она теряла нить рассказа, прислушиваясь к тому, что делается на кухне, тревожась, не дерутся ли дети, не подгорело ли что-нибудь на плите...

– Так о чем это я?.. Ах, да... Франсина – ей уже семнадцать Франсина вышла погулять и вернулась в половине одиннадцатого. Остальные спали... Я готовила обед на сегодня, заранее, потому что утром мне надо было ехать к порт-

нихе... Господи! Я и забыла предупредить се, что не приеду... А она меня ждет...

Это для нее тоже было трагедией.

– Мы легли... Вернее сказать, мы вошли в спальню, и я легла в кровать... Морис раздевался всегда медленнее, чем я. Окно было открыто... Жалюзи мы тоже не опускали, из-за духоты... В доме напротив никто на нас не смотрел... Там отель... Люди приходят и сразу ложатся спать... Их редко увидишь у окна...

Мегрэ сидел так неподвижно, вид у него был такой ошеломительный, что Люка показалось, будто начальник сейчас уснет. Однако из губ Мегрэ, плотно зажавших мундштук трубки, вырывался время от времени легкий дымок.

– Мне и рассказывать-то нечего... Нет, такое могло случиться только со мной... Мы с ним разговаривали... О чем именно, я не помню, но пока он снимал брюки и складывал их, он все время говорил... Он остался в нижнем белье... Потом снял носки и стал чесать себе подошвы, они всегда у него болели... Я услышала с улицы такой звук... знаете, такой... ну, когда у машины мотор стреляет... нет, не такой даже, а вот какой:

ф-р-р-ф-р-р... Вот-вот, именно: ф-р-р-ф-р-р... Вроде водопроводного крана, когда в нем воздух соберется... Тут я подумала, что это вдруг Морис на полуслове замолк?.. Видите ли, я уже начала дремать, потому что за лень сильно устала... Ну так вот, замолчал он, а потом говорит тихонь-

ко и странным таким голосом: «Сволочь!». Я очень удивилась, потому что он почти никогда не ругался... Он был не такой... Я его спрашиваю:

«Что это ты?» Тут я открыла глаза – я ведь все время лежала с закрытыми глазами – и вижу, он валится на пол. Я закричала: «Морис!»

Понимаете, человек ни разу в жизни не падал в обморок... Он хоть и не был здоровяком, но болеть никогда не болел...

Я встала... зову его, говорю... А он лежит на коврике ничком и не шевелится... Я хотела его поднять, смотрю: у него на рубашке – кровь...

Я позвала Франсину, это наша старшая. И как вы думаете, что она мне сказала, когда увидела отца? «Мама, – говорит, – что ты наделала!» – и кинулась вниз, звонить... Ей пришлось разбудить угольщика...

– А где Франсина? – спросил Мегрэ.

– У себя в комнате... Она одевается... Ночью нам было не до того, вот мы и остались неодетые... Уж вы извините, что у меня такой вид... Сначала приходил доктор, потом полицейские, потом господин комиссар...

– Не могли бы вы нас оставить одних?

Она поняла не сразу, переспросила:

– Оставить одних?

Она ушла на кухню, и слышно было, как она бранит детей – все тем же нудным, монотонным голосом.

– Еще четверть часа, и я сошел бы с ума, – со вздохом про-

говорил Мегрэ, подходя к окошку глотнуть свежего воздуха.

Трудно объяснить почему, но только во всем существе этой женщины, возможно совсем не плохой, было что-то удручающе унылое, что-то такое, отчего меркнул, становился угрюмым и серым даже солнечный свет, лившийся в окно. Сама жизнь делалась в ее присутствии такой тусклой, такой никчемной и монотонной, что невольно хотелось спросить себя, неужели улица со всем своим движением, солнцем, красками, звуками и запахами была еще здесь, рядом, как говорится – только руку протянуть.

– Бедняга!..

Не потому, что он умер, но потому, что жил!

– Кстати, как его звали?

– Трамбле... Морис Трамбле... Сорок восемь лет... Жена сказала, что он служил кассиром в какой-то торговой фирме на улице Сантье... Вот... Я записал: «Куврэр и Бельшас, басонная торговля...»

И ко всему еще басонная торговля – шнуры, позумент и прочее для гробов и катафалков!

– Знаете-ли, – рассказывал полицейский комиссар, – сначала я подумал, что это она его убила... Не разобрался спресонок, меня ведь с постели подняли, я только-только уснул... А тут такое творилось... Дети говорят все разом, она на них кричит, чтобы замолчали, повторяет мне по двадцать раз одно и то же – примерно то самое, что и вам рассказывала, – я и решил, что она либо придурковатая, либо и вовсе сумасшед-

шая. А тут еще мой бригадир вздумал ее допрашивать, «на пушку» взять хотел. Он ей: «Я вас не об этом спрашиваю, я вас спрашиваю, почему вы его убили?» А она ему: «Почему?.. Да чем же это было мне его убивать?»

На лестнице соседи собрались... Здешний врач скоро принесет мне свое заключение. Он меня надоумил: утверждает, что выстрел был произведен на расстоянии и что стреляли, несомненно, из какого-то окна напротив... Я и послал своих ребят в отель «Эксельсиор».

Коротенький припев все вертится и вертится в голове у Мегрэ:

«Бедняков не убивают...»

Тем более бедняков, которые сидят в нижнем белье на краю супружеской кровати и скребут свои натруженные подошвы!

– И вы что-нибудь обнаружили там, в доме напротив?

Мегрэ внимательно осматривал окна отеля «Эксельсиор», впрочем, вернее было бы назвать его не отелем, а меблированными комнатами. Черная под мрамор табличка оповещала: «Номера на месяц, на неделю и на сутки. Горячая и холодная вода».

Бедность была и здесь. Но точно так же, как в доме, где жили Трамбле, как и в их квартире, это была не та бедность, которая может служить подходящим фоном для драмы. Бед-

ность была здесь благопристойная, прилично и чистенько причесанная под скромный достаток.

– Я начал осмотр с четвертого этажа, все постояльцы уже лежали в постелях. Пришлось моим ребятам их побеспокоить. Представляете, какой поднялся шум. Хозяин разбушевался, грозил, что будет жаловаться. Тут мне пришла мысль заглянуть на пятый. И там, как раз напротив нашего с вами заветного, так сказать, окошечка, я обнаружил комнату, в которой никого не было, хотя она вот уже целую неделю числится за неким Жозефом Дамбуа. Я допросил швейцара, дежурившего ночью, и он вспомнил, что незадолго до полуночи выпустил из отеля какого-то человека, но кто это был, он не знает...

Мегрэ наконец решился открыть дверь в спальню, где у изножия кровати, головой на коврике, ногами на голом полу все еще лежало тело убитого.

– Пуля, видимо, попала в сердце, и смерть наступила почти мгновенно... Я полагаю, лучше будет дожидаться нашего судебного врача: надо, чтобы пулю извлек он. С минуты на минуту он должен прибыть вместе с господами из прокуратуры...

– В одиннадцать часов... – рассеянно проговорил Мегрэ. Было четверть одиннадцатого. На улице, как и прежде, торговались у тележек хозяйки, в знойном воздухе стоял нежный аромат фруктов и зелени...

– Карманы вы у него обыскали?

Обыскал, ясно и так – на столе беспорядочной грудой лежала мужская одежда, между тем как, по словам жены, Трамбле аккуратно сложил на ночь все свои вещи.

– Здесь все... Кошелек... Сигареты... Зажигалка... Ключи... Бумажник – в нем сотня франков и фотографии детей...

– Что соседи?

– Мои ребята опросили всех в доме... Трамбле живут в этой квартире двадцать шесть лет... Когда появились дети, они заняли еще две комнаты... Собственно, о них и сказать нечего... Обыкновенная, размеренная жизнь... Никаких особенных событий... Каждый год, в отпуск, ездят на две недели в Канталь, к Трамбле на родину... У них никто не бывает, если не считать редких визитов сестры мадам Трамбле. Обе женщины – урожденные Лапуант и тоже родом из Канталя... Трамбле выходил из дому каждый день в одно и то же время. На работу ездил в метро, со станции Вильер... В половине первого возвращался, через час уезжал обратно и приезжал вечером, в половине седьмого...

– Чушь какая-то! – проговорил Мегрэ. Восклицание вырвалось у него почти безотчетно. Действительно чушь. Преступление, в котором не было никакого видимого смысла.

Ничего не украли... Даже не пытались украсть... И все

же это не было случайное убийство. Отнюдь. Его тщательно подготовили: пришлось снять комнату в отеле напротив, раздобыть пистолет, возможно, даже пневматическое ружье...

Тут действовал кто-то не случайный. И не ради какого-то там бедняги идут на такое дело... Да, но ведь Трамбле был именно из тех бедняг, о которых говорят: какой-то там...

– Вы не подождете людей из прокуратуры?

– Я непременно вернусь до того, как они уедут. Оставайтесь, пожалуйста, чтобы ознакомить их с делом...

За стеной снова шумно завозились, догадаться было нетрудно: мадам Трамбле, урожденная Лапуант, воевала со своими детьми.

– Кстати, сколько их у нее?

– Пятеро... Три сына и две дочки... Один сынишка этой зимой заболел плевритом, и сейчас он в деревне у родителей Трамбле... Ему скоро четырнадцать...

– Идем, Люка?

Мегрэ сейчас отнюдь не улыбалась перспектива увидеть снова мадам Трамбле и услышать унылое: «Такое могло случиться только со мной».

Он тяжело спустился по лестнице мимо открывавшихся одна за другой дверей, позади которых слышался быстрый шепот. Он хотел зайти к угольщику выпить вина, но в лавчонке было полно любопытных, ожидавших прибытия чиновников прокуратуры, и Мегрэ предпочел дойти до улицы Батиньоль, где о ночной драме ничего не знали.

– Что ты будешь пить?

– Займись-ка этим типом из отеля «Эксельсиор»... Ты, разумеется, найдешь там не очень-то много, потому что обделать такое дельце, как он его обделал, это... Эй, такси!..

Тем хуже для бухгалтерии. Было слишком жарко, чтобы париться в метро или стоять на углу в ожидании автобуса.

– Встретимся на улице Де-Дам... А нет, так после обеда на набережной...

Бедняков не убивают, черт побери! А если уж убивают, так не по одиночке, а целыми партиями, устраивают войну или мятеж. Если же бедняку случается кончить жизнь самоубийством, то вряд ли он станет добывать для этого пневматическое ружье и уж конечно не застрелится в ту минуту, когда сидит на постели и чешет пятки.

Будь Трамбле не уроженцем какого-то там Канталя, носи он звучное иностранное имя, можно было бы еще заподозрить его в принадлежности к некоей неведомой тайной организации его соотечественников...

Да и не был он похож на тех, кого убивают. Лицо не такое, вот в чем загвоздка! Это-то и озадачивало. А вся обстановка? Эта квартира, жена, пятеро детей, муж в нижнем белье, «ф-р-р-ф-р-р», с каким пролетела пуля...

Верх такси был откинут, и Мегрэ курил свою трубку, время от времени пожимая плечами. В какое-то мгновение мысли его обратились к мадам Мегрэ. «Бедняжка!» – скажет она и при этом непременно вздохнет. Когда умирает мужчина,

женщина всегда сочувствует женщине.

– Нет, номера я не знаю... Да, улица Сантье... «Куврэр и Бельшас»... Наверно, что-нибудь солидное. Этакий почтенный торговый дом, рождения тысяча восемьсот какого-нибудь года...

Он не понимал, и это злило его. Злило потому, что он не терпел непонятого... Улица Сантье была забита людьми и машинами. Притормозив, шофер заговорил с прохожим, чтобы узнать об адресе, и в эту минуту Мегрэ увидел на фасаде одного из домов выведенные красивыми золотыми буквами слова: «Куврэр и Бельшас».

– Подождите меня. Я недолго.

Собственно, он не знал, надолго ли, но жара совсем разморила его. Да и как было не разморить, когда почти все его товарищи по работе и даже все инспектора были в отпуске и когда сегодня с утра он рассчитывал поблаженствовать на досуге у себя в кабинете!

Второй этаж. Анфилада темных комнат, чем-то напоминающих ризницу.

– Могу я видеть мосье Куврэра?

– По личному делу?

– По сугубо личному.

– Весьма сожалею. Мосье Куврэр умер пять лет назад.

– А мосье Бельшас?

– Мосье Бельшас уехал в Нормандию. Если угодно, вы можете поговорить с мосье Мовром.

– Кто это?

– Доверенное лицо фирмы Он сейчас в банке, но скоро вернется...

– Скажите, а мосье Трамбле здесь?

Недоумение:

– Простите, как вы сказали?

– Мосье Трамбле... Морис Трамбле...

– Я такого не знаю.

– Ваш кассир...

– Нашего кассира зовут Мажин, Гастон Мажин...

«Вот так история с географией!? – подумал Мегрэ. Положительно, его так и преследовали сегодня трафаретные фразы.

– Вы будете ожидать мосье Мовра?

– Да, придется.

Сидеть и нюхать приторный запах галантереи и картонных коробок. К счастью, это продолжалось не слишком долго. Мосье Мовр оказался шестидесятилетним господином, одетым с головы до ног во все черное.

– Вы хотели поговорить со мной?

– Мегрэ, комиссар сыскной полиции...

Если слова эти имели целью произвести впечатление, то Мегрэ ошибся.

– Чему я обязан честью...

– Если не ошибаюсь, у вас работает кассиром некий Трамбле?

– Работал... Довольно давно... Погодите... Это было в тот год, когда мы модернизировали наше отделение в Камбре. Да... Семь лет назад... Даже немного больше, потому что он ушел от нас в середине весны... – Мосье Мовр поправил пенсне: – Словом, мосье Трамбле не служит у нас уже семь лет.

– С тех пор вы его больше не видели?

– Лично я – нет.

– Вы были им довольны как служащим?

– Безусловно... Я знал его очень хорошо, потому что он поступил сюда всего лишь на несколько лет позже меня... Это был человек в высшей степени добросовестный и пунктуальный... Ушел он от нас, насколько мне помнится, по какой-то очень уважительной причине, с соблюдением всех формальностей... Ну да, по семейным обстоятельствам. Он написал в заявлении, что собирается обосноваться у себя на родине: в Оверни, кажется, или в Кантале, сейчас уже не помню...

– Касса у него всегда была в порядке?

Мосье Мовр даже слегка подался назад, точно ему нанесли личное оскорбление.

– Простите, у нас таких вещей не бывает.

– А вам никогда не приходилось слышать, будто у мосье Трамбле есть любовница или что он предается какому-нибудь пороку?

– Нет, мосье. Никогда. И я убежден, что с ним этого не

могло быть.

Коротко и ясно. И если Мегрэ не желает понимать, что он заходит слишком далеко даже для комиссара сыскной полиции... Однако Мегрэ не сдавался:

– Странно... Дело в том, что в течение семи лет, до вчерашнего дня включительно, мосье Трамбле каждое утро уходил из дому и отправлялся на работу к вам в контору и каждый месяц приносил жене жалованье.

– Прошу прощения, но этого не может быть. Ему недвусмысленно указывали на дверь.

– Значит, это был образцовый служащий?

– Отличный служащий.

– И в его поведении не было ничего...

– Нет, мосье, ничего. Прошу извинить, но меня ожидают два оптовых покупателя из провинции, и...

Уф! Ну и духотища! Почти как в комнатках на улице Де-Дам. Приятно было очутиться снова на воздухе, снова увидеть свое такси, шофера, уже успевшего выпить в соседнем быстро стаканчик минеральной воды и теперь вытиравшего усы.

– Куда прикажете, мосье Мегрэ? – Все шоферы знали его, и это как-никак тоже было приятно.

– На улицу Де-Дам, старина...

Так-так, значит, семь лет подряд этот самый Морис Трамбле уходил в положенное время из дому и отправлялся к себе на работу, и семь лет подряд...

– Остановишься где-нибудь по дороге, я заскочу выпить у стойки...

Перед встречей с мадам Трамбле и господами из прокуратуры, которые, должно быть, уже толкуются в квартирке на улице Де-Дам.

«Бедняков...»

Только таким ли уж он был бедняком, вот в чем вопрос.

II. Убийца с больной печенью и любитель канареек

Что с тобой, Мегрэ? Ты не спишь?

Было, наверно, около трех часов ночи, а Мегрэ все еще продолжал ворочаться с боку на бок в своей постели, весь в испарине, хотя открыты были оба окна спальни, выходявших на бульвар Ришар Ленуар. Несколько раз он уже начинал засыпать, но едва только дыхание жены рядом с ним становилось глубоким и ровным, как он снова, против собственной воли, принимался думать опять и опять об этом Трамбле, о своем бедняке, как он теперь про себя называл его.

Тут что-то было не так, ускользало, как в несообразном сне. И Мегрэ опять возвращался к исходному пункту. Половина девятого утра. В квартирке на улице Де-Дам Морис Трамбле кончает одеваться. Тут же рядом унылая мадам Трамбле – теперь Мегрэ уже знал, что ее зовут Жюльеттой, то есть самым неподходящим для нее именем, – итак, тут же рядом унылая Жюльетта в бигуди, со взглядом великомученицы, пытается утихомирить расшумевшихся детей, но в результате гвалт становится еще громче.

«Он не выносил шума, господин комиссар...»

Почему именно эта деталь поразила Мегрэ сильнее всего остального, что он там услышал? Почему в полусонном за-

бытьи память его возвращалась к ней снова и снова? Не выносить шума – и жить на улице Де-Дам, многолюдной, бойкой и тесной, да еще с пятью детьми, которые только и делают, что задирают друг друга, и с этой Жюльеттой, которая не знает, как их унять...

«Он одевается... Хорошо, дальше... Бреется – через день, по словам Жюльетты. Выпивает чашку кофе с молоком и съедает два рогалика... Выходит на улицу, идет к бульвару Батиньоль и на станции Вильер садится в метро...»

Всю вторую половину дня после посещения фирмы «Куврэр и Бельшас» Мегрэ просидел у себя в кабинете, занимаясь текущими делами. В это время вечерние газеты по просьбе полиции уже печатали на первых полосах портреты Мориса Трамбле.

А бригадир Люка тем временем отправился в отель «Эксельсиор», захватив с собой фотографии всех рецидивистов и уголовников, чья внешность хоть сколько-нибудь подходила под описание примет мнимого Жозефа Дамбуа, точнее говоря – убийцы.

Рассматривая фотографии, хозяин отеля, выходец из Оверни, отрицательно качал головой:

– Я, правда, мало видел его, но, по-моему, он не из таких.

Бригадиру пришлось проявить немало терпения, прежде чем он наконец выяснил: хозяин хотел сказать, что постоялец с пневматическим ружьем отнюдь не был похож на преступника, внешность у него была самая безобидная.

– Когда он пришел и спросил номер на неделю, я подумал, что это какой-нибудь ночной сторож...

Человек неприметной внешности. Средних лет. Да и мало кто его видел, потому что он возвращался к себе только на ночь, а утром уходил.

– Были у него с собой какие-нибудь вещи?

– Маленький чемоданчик, знаете, как у футболистов. И еще усы. По словам хозяина – рыжие. По словам ночного швейцара – седоватые. Правда, он видел их при другом освещении.

– Одет он был плохо. Нет, не то чтобы грязно, но весь он был какой-то потертый. Я с него потребовал плату за всю неделю вперед. Бумажник у него тоже был потрепанный, а денег и вовсе мало...

Показания горничной пятого этажа:

– Я его ни разу не видела, потому что убирала его номер поздно утром, после 42-го и 43-го, но, уж можете мне поверить, издали видать было, что живет холостяк...

Люка перетряхнул в этом номере каждую вещь, тщательно, метр за метром, обследовал всю комнату. На подушке он обнаружил три волоска: два с головы и один из усов. Нашел на эмалированном туалете почти пустой флакончик из-под одеколона, а на камине – старую расческу, в которой не хватало половины зубьев.

Вот и все. Небогатый улов. И тем не менее в лаборатории сумели кое-что выяснить. По мнению экспертов, в те-

чение нескольких часов исследовавших расческу и волосы, преступнику было от сорока шести до сорока восьми лет. Он был рыжеволос, но уже начинал седеть и лысеть. Имел флегматический характер и страдал болезнью печени.

Однако не об этом думал Мегрэ, ворочаясь в своей постели.

«Он одевается, завтракает, берет шляпу и выходит на улицу... Он идет к метро на бульваре Батиньоль...»

Но, разумеется, вовсе не для того, чтобы ехать на улицу Сантье, в контору фирмы «Куврэр и Бельшас», где уже семь лет ни одна живая душа его не видела, а куда-то совсем в другое место...

Почему Мегрэ полагал, что в то время, когда Трамбле еще служил у «Куврэра и Бельшаса», ему удобно было ездить в метро? Очень просто. Линия Порт-де-Шампре – Пре-Сен-Жерве прямая, без пересадок. Трамбле выходил непосредственно на улице Сантье.

И тут Мегрэ вдруг вспомнил, что дочка Трамбле, Франсина, которую он видел сегодня мельком и не успел как следует разглядеть, уже около года работает в магазине стандартных цен на улице Реомюр. Улица Реомюр идет под прямым углом к улице Сантье. Это на той же линии метро.

– Ты не спишь? – спросила мадам Мегрэ.

– Мне нужно выяснить одну вещь, – ответил он, – может быть, ты знаешь... Очевидно, все магазины стандартных цен принадлежат одному и тому же тресту и работают по едино-

му расписанию. Ты ведь как-то ходила в такой магазин на авеню Республики...

– Что же тебя интересует?

– В котором часу они открываются?

– В девять...

– Ты это точно знаешь?

Ответ доставил ему, по-видимому, такое удовольствие, что, прежде чем наконец уснуть, он замурлыкал себе под нос какую-то песенку.

– А мать ничего не сказала?

Было четверть десятого утра, и Мегрэ сидел у себя в кабинете, слушая только что вернувшегося Люка, еще не успевшего снять соломенной шляпы.

– Я объяснил ей, что вам нужны какие-то дополнительные сведения, но что вы не хотите докучать ей в такую тяжелую минуту и поэтому сочли более уместным побеспокоить дочь.

– А что дочка?

– Мы приехали на автобусе, как вы велели. Мне кажется, она немножко нервничает. Все пыталась узнать, зачем вы ее вызываете.

– Скажи, пусть войдет.

– Там с вами хочет поговорить еще какой-то пожилой господин.

– После... Вели подождать... А кто он?

– Какой-то торговец с Луврской набережной... Он хочет вам что-то сообщить, и притом непременно лично...

Парило так же, как и накануне. Над Сенной серебрилось лучистое марево, окутывая легкой дымкой вереницы плывущих судов.

Франсина вошла, одетая в строгий темно-синий костюм и белую полотняную блузку. Очень миловидная, очень молоденькая девушка. Белокурые локоны, красиво оттененные кокетливой красной шляпкой, высокая, четко обрисованная грудь. Со вчерашнего дня у Франсины, должно быть, еще не было времени купить себе траурное платье.

– Садитесь, мадемуазель... Если вам жарко, я охотно решаю вам снять жакет...

Над верхней губкой у нее выступили бисеринки пота.

– Вчера ваша матушка сказала мне, что вы работаете продавщицей в магазине стандартных цен на улице Реомюр... Если не ошибаюсь, это тот магазин, что у Севастопольского бульвара, налево, не так ли?

– Да, мосье...

Губы у нее задрожали, и Мегрэ показалось, что она хочет ему что-то сказать, но не может решиться.

– Магазин открывается в девять часов утра, не правда ли? И он расположен неподалеку от улицы Сантье, куда ваш отец – как это считалось – ездил каждое утро на работу. Вы, наверно, нередко проделывали этот путь вместе...

– Всего несколько раз...

– Вы уверены в этом?

– Иногда случалось, конечно...

– И вы расставались с отцом у места его службы?

– Да, неподалеку... На углу...

– Так что у вас никогда не возникало никаких подозрений?

Он тихонько попыхивал своей трубкой и с самым невинным видом смотрел в это юное личико, на котором теперь отражалось такое смятение и тревога.

– Я уверен, что столь молодая особа, как вы, не позволит себе говорить неправду полиции... Вы хорошо понимаете, что это могло бы кончиться для вас неприятностями, тем более в такую минуту, когда мы делаем все от нас зависящее, чтобы разыскать убийцу вашего отца.

– Да, мосье.

Она достала из сумочки носовой платок, приложила его к глазам и тихо всхлипнула, вот-вот готовая расплакаться по-настоящему.

– У вас красивые серьги...

– Ах, мосье...

– Нет, действительно, очень красивые. Разрешите? Право, можно подумать, что у вас уже есть поклонник.

– О, что вы, мосье!

– Они золотые, и эти два граната в них – настоящие.

– Нет, мосье... Мама тоже думала, что настоящие, но...

– Но?

– Я ей сказала, что нет...

– Потому что вы купили эти серьги сами?

– Да, мосье.

– Значит, вы не отдавали жалованья родителям?

– Отдавала, мосье. Но было решено, что деньги за сверхурочные я буду оставлять себе...

– И сумочку вы себе тоже купили сами?

– Да, мосье.

– Скажите-ка мне, голубушка...

Она удивленно подняла голову, и Мегрэ рассмеялся.

– Ну, хватит.

– Что хватит, мосье?

– Морочить мне голову!

– Честное слово...

– Простите, минутку... Алло! Коммутатор? Дайте мне магазин стандартных цен на улице Реомюр... Да...

– Погодите, мосье...

Он сделал ей знак замолчать, и она залилась слезами.

– Алло... Магазин? Не могли бы вы соединить меня с директором?... Ах, это вы сами?... Говорят из сыскной полиции... Мы хотели бы получить у вас сведения об одной вашей продавщице... Мадемуазель Франсине Трамбле... Да, будьте любезны... Как? Уже три месяца? Благодарю вас... Возможно, я днем к вам заеду...

Он обернулся к девушке:

– Ну вот, мадемуазель!

– Я бы и так вам призналась...

– Когда?

– Я хотела набраться храбрости...

– Как это произошло?

– А вы маме не скажете?... Ведь это я из-за нее не хотела говорить... Опять пойдут слезы и причитания... Если бы вы знали маму!.. Я вам уже говорила, что иногда мы ездили в метро вместе с отцом... Он с самого начала был против того, чтобы я поступила на работу, и особенно в этот магазин... Понимаете? Но мама настояла: она говорила, что мы не настолько богаты, что она и так еле концы с концами сводит, а это такой удачный случай... Она меня сама повела к директору... Ну, вот... А месяца три назад я утром ушла из дому без денег и спохватилась только на углу улицы Сантье, когда попрощалась с отцом... В тот день мама поручила мне зайти в несколько магазинов... Я побежала за папой... Но он прошел мимо дома «Куврэр и Бельшас» и затерялся в толпе...

Я подумала, что ему нужно купить сигарет или еще что-нибудь... Я очень торопилась... И я пошла к себе в магазин... Днем я улучила свободную минутку и решила сбегать к отцу на работу... Там мне сказали, что он уже давно у них не служит...

– И вечером вы все ему рассказали?

– Нет... На следующий день я пошла за ним... Он направился в сторону Сены. По дороге получилось так, что он оглянулся и увидел меня... Тогда он сказал: «Тем лучше»...

– Что значит: «Тем лучше»?

– Ему не нравилось, что я работаю в магазине. Он объяс-

нил мне, что ему уже давно хотелось забрать меня оттуда... Он сказал, что устроился на другое место и оно гораздо лучше, чем прежнее, потому что теперь ему не надо сидеть целый день в четырех стенах... Тогда он и повел меня в магазин и купил мне эти сережки... «Если мать станет спрашивать, откуда они у тебя, скажи, что это поддельные»...

– Ну, а потом?

– Я ушла с работы, но маме я ничего не сказала. В дни полочки отец давал мне деньги, которые я раньше получала в магазине. Иногда мы с ним встречались в городе и ходили вместе в кино или в ботанический сад...

– А чем ваш отец занимался в течение дня, вы не знаете?

– Нет... Но я хорошо понимала, почему он ничего не говорит матери... Если бы он стал ей давать больше денег, ничего бы не изменилось... В доме был бы все тот же беспорядок... Это трудно объяснить, но если бы вы у нас жили, вы поняли бы... Мама неплохой человек, но...

– Благодарю вас, мадемуазель.

– Вы с ней будете об этом говорить?..

– Пока еще не знаю... Скажите, пожалуйста, вам не случилось видеть отца в обществе какого-нибудь другого человека?

– Никогда.

– Он никогда не давал вам никакого адреса?

– Мы всегда встречались где-нибудь около Сены, у Нового моста или у моста Искусств.

– Последний вопрос: во время этих встреч он бывал одет так же, как обычно, то есть в ту же одежду, которую носил у вас дома, на улице Де-Дам?

– Однажды, это было только один раз, недели две назад, он пришел в сером костюме, которого раньше я на нем не видела, потому что дома он никогда в нем не появлялся.

– Благодарю вас... Вы, разумеется, ни с кем об этом не говорили?

– Ни с кем.

– А нет у вас дружка где-нибудь по соседству?

– Клянусь вам...

Он был доволен, хотя причин для этого не было: дело не только не прояснялось, но, наоборот, запутывалось. Возможно, он был рад, что интуиция не подвела его и ночная догадка подтвердилась? А может быть, причина была в том, что он уже «заболел» своим беднягой Трамбле, который столько лет умудрялся водить за нос эту зловеще унылую Жюльетту и скрывать от нее свою вторую жизнь?

– Люка, вели войти этому господину...

Теодор Жюсьом, продавец птиц с Луврской набережной в Париже.

– Я пришел в связи с фотографией...

– Вы узнали убитого?

– Еще бы, мосье. Он был одним из моих лучших клиентов... И вот приоткрылась еще одна сторона жизни Мориса Трамбле. Не реже раза в неделю он заходил в лавку Теодора

Жюсьома и просиживал там целые часы, слушая пение птиц. Его страстью были канарейки. Он покупал их во множестве.

– Я продал ему не меньше трех больших вольеров.

– Вы отвезли их к нему на дом?

– Нет, мосье. Он увозил их сам, в такси.

– А его адреса вы не знали?

– Я не знал даже его фамилии. Он просил называть его мосье Шарлем. Так все его и звали, не только мы с женой, но и наши продавцы. О, это был ценитель, истинный ценитель. Я никогда не мог понять, почему он не показывает своих канареек на конкурсах. Некоторые из них отлично пели и могли бы завоевать не один приз, уверяю вас, это были бы первые призы...

– Как, по-вашему, он был человеком богатым?

– Богатым? Нет, мосье... Обеспеченным... В нем не было заметно скупости, но счет деньгам он знал...

– В общем, человек вполне положительный?

– Превосходный человек, и клиент, каких у меня не много...

– Он никогда не приходил к вам еще с кем-нибудь?

– Никогда...

– Благодарю вас, мосье Жюсьом...

Но мосье Жюсьом не уходил.

– Есть одно обстоятельство, которое меня занимает и несколько даже беспокоит... Если верить газетам, то в квартире на улице Де-Дам нет никаких птиц. Если бы канарейки,

которых он покупал у меня, находились там, об этом, разумеется, не преминули бы написать, не правда ли? Их было у него никак не меньше двух сотен, а ведь это не каждый день...

– Иначе говоря, вы опасаетесь, что они...

– ...Да, находятся в таком месте, где теперь, когда нет мосье Шарля, о них некому позаботиться...

– Хорошо, мосье Жюсьом, я обещаю: если нам удастся разыскать их, мы вас об этом тотчас поставим в известность, и вы сможете позаботиться о них должным образом, если, конечно, не будет поздно.

– Благодарю вас... Это, главным образом, моя жена тревожится...

– До свидания, мосье Жюсьом...

Дверь закрылась.

– Ну-с, дружище Люка, что ты обо всем этом думаешь? Заключение экспертов получил?

– Только что принесли...

Прежде всего заключение судебно-медицинского эксперта. Из объяснений доктора Поля следовало, что смерть Трамбле была делом чистой случайности.

Сорок строк медицинских терминов и рассуждений, в которых комиссар ничего не смыслил.

– Алло, доктор Поль?.. Не будете ли вы любезны объяснить мне, что вы хотели сказать в своем заключении?

– Что, собственно, пуля не должна была проникнуть в

грудную клетку убитого, потому что обладала для этого недостаточной пробивной силой, и что, не угоди она каким-то чудом в тонкую мышечную ткань между ребрами, она никогда не достигла бы сердца и не могла бы причинить ранения, опасного для жизни. Ему просто не повезло, вот и все! – заключил доктор Поль. – Нужен был известный угол прицела... И чтобы он сидел именно в такой позе...

– Вы полагаете, что убийца учел все это, когда целился?

– Я полагаю, что убийца – болван... Болван, который, быть может, стреляет и не совсем уж плохо, раз он сумел застрелить вашего Трамбле, но который никогда не сумел бы прицелиться так, чтобы пуля попала именно в сердце... По-моему, он вообще слабо разбирается в огнестрельном оружии...

Это подтвердил также и Гастин-Ренетт, эксперт по оружию. Согласно его заключению, пуля была от пневматического ружья, какими пользуются в ярмарочных тирах, свинцовая, трехмиллиметровая.

Любопытная деталь: убийца тщательно отточил пулю, чтобы сделать ее более острой.

Когда Мегрэ обратился за разъяснениями, эксперт ответил:

– Да нет, ее убойная сила от этого нисколько не увеличилась. Наоборот. Проникая в тело, закругленная пуля причиняет больше вреда, чем остроконечная. Человек, сделавший это, несомненно, воображал, будто он придумал что-то очень умное, в действительности же он в огнестрельном ору-

жии ничего не смыслит.

– В общем, дилетант. Где-нибудь, наверно в детективном романе, вычитал что-то такое и понял как раз наоборот.

Вот и все, что удалось установить к одиннадцати часам утра на другой день после убийства Мориса Трамбле.

На улице Де-Дам Жюльетта металась между своими повседневными делами и новыми заботами, которые принесла с собою смерть главы семьи, к тому же еще смерть насильственная. В довершение всех бед с утра до вечера ее осаждали газетчики, а на лестнице подкарауливали сидевшие в засаде фоторепортеры.

– Что нужно было от тебя этому комиссару?

– Ничего, мама...

– Ты говоришь неправду... Все и всегда говорят мне неправду... Даже твой отец и то лгал мне, обманывал меня целые годы...

Слезы текли у нее ручьем, она всхлипывала, шмыгала носом и продолжала говорить, суетиться по хозяйству, раздавать тычки детям, которых нужно было успеть к завтрашнему дню, для похорон, одеть во все черное.

Где-то двести голодных канареек ждали, когда их накормят.

И, обращаясь к Люка, Мегрэ со вздохом сказал:

– Остается только ждать...

Ждать результатов от опубликования фотографий, ждать, что люди узнают Мориса Трамбле, или мосье Шарля.

Бывал же он где-нибудь в течение этих семи лет. Если он переодевался вне дома, покупал певчих птиц и клетки для них, значит, где-то у него было пристанище, комната, квартира, возможно, целый дом? И, стало быть, он имел дело с хозяином либо с консьержкой или прислугой? Быть может, у него были друзья? Возможно, даже любовница?

Смешно сказать, но Мегрэ вел это дело не без некоторого волнения, в чем, пожалуй, не решился бы признаться и самому себе.

«Бедняков не убивают...»

И вот уже человек, которого Мегрэ никогда в своей жизни не видел, о чьем существовании он даже не подозревал, такой вначале sereneкий и неинтересный, человек, который умер нелепейшей смертью, сидя на кровати, где дремала унылая Жюльетта, – и к тому же от пули, которая вовсе не должна была его убить, – человек этот стал близок Мегрэ.

Ружье из ярмарочного тира... Из таких ружей сбивают курительные трубки или шарики, прыгающие на струе воды...

Да и сам убийца, старательно отточивший свинцовую пулю в надежде сделать ее более вредоносной... Судя по всему, он тоже был всего лишь несчастным бедняком, этот человек, после которого в номере отеля «Эксельсиор» не нашли ничего, кроме старой расчески с выломанными зубьями.

У него больная печень. Вот почти и все, что было о нем

известно.

Люка снова отправился на охоту. Скучная работенка – ни радости, ни славы. Побывать во всех магазинах и лавках Парижа, где продается оружие. Потом во всех тирах, потому что этот субъект мог купить ружье именно там. Инспектор Жанвье опрашивал торговцев с Луврской набережной и с набережной Мессажери, а также хозяев бистро у Нового моста и моста Искусств, куда Трамбле, возможно, заходил выпить стаканчик вина в ожидании дочери, с которой обычно здесь встречался.

Наконец, толстяк Торанс занимался шоферами такси, потому что далеко не каждый день приходится перевозить пассажиров с большими птичьими вольерами.

Что касается Мегрэ, то он в это время сидел в ресторанчике на площади Дофина и благодушествовал, потягивая пиво на открытой террасе, затененной красно-желтым полосатым тентом. Кружка была уже наполовину пуста, и теперь, в ожидании часа, когда можно будет отправиться домой завтракать, Мегрэ наслаждался своей трубкой, однако брови его беспрестанно хмурились.

Что-то смутно беспокоило его, но он никак не мог понять, откуда у него это беспокойство. Кажется, ему что-то сказали, не то вчера, не то сегодня утром, его это сильно поразило, что-то очень важное, но вот что именно – он забыл.

Какая-то коротенькая, ничего не значащая фраза. И все же – он хорошо помнит – тогда он ее сразу про себя отметил.

И еще подумал, не в ней ли скрывается ключ ко всей этой загадочной истории.

Итак, от кого же он ее слышал?.. Может быть, на допросе, от этой высокогрудой девушки в красненькой шляпке?.. Он перебирал в уме все, что она ему говорила... Возвращался вновь к сцене на углу улицы Сантье, когда она побежала за отцом и увидела, что он прошел мимо места своей работы...

Сережки?.. Нет... Иногда отец с дочерью тайком ходили в кино... В общем, Франсина была любимицей Трамбле... Он испытывал, должно быть, немалую гордость, когда шел с ней гулять или покупал ей потихоньку от матери ценные вещи...

Нет, не то... Коротенькая фраза была связана с чем-то совсем другим... С чем же?.. Сверху откуда-то падал на него косой луч солнечного света, и в этом луче кружились нескончаемым хороводом тончайшие золотые пылинки, как бывает в комнате, где только что перестилали постель...

На улице Де-Дам, вот где он ее слышал... Открыта была дверь на кухню... и говорила Жюльетта... О чем же это она тогда говорила, что ему вдруг показалось – еще немного, и он все поймет?

– Жозеф, сколько с меня?

Совсем коротенькая фраза. Всю дорогу он пытался ее вспомнить. И дома, когда он, скинув пиджак и положив локти на стол, сидел за завтраком, он все еще продолжал думать о ней. И мадам Мегрэ, видя, что муж чем-то озабочен, под конец вовсе умолкла.

Но, подавая фрукты, она все же не выдержала и проговорила:

– Скажи, разве, по-твоему, это не отвратительно, когда человек...

Еще бы! Но ведь мадам Мегрэ не знала Жюльетту. Она не видела квартиры на улице Де-Дам.

Коротенькая фраза была у него уже на кончике языка, где-то рядом со словами жены.

«Скажи, разве это не отвратительно...»

Еще усилие. Одно небольшое усилие. Но озаряющая молния так и не вспыхнула. Он бросил салфетку на стол, набил трубку, налил себе рюмку кальвадоса и присел у окна – отдохнуть перед тем, как отправится снова на набережную Орфевр.

Ш. След рыболова с удочкой

В тот же день в шесть часов вечера Мегрэ и Люка выходили из такси далеко за Аустерлицким мостом на Привокзальной набережной. С ними был какой-то похожий на бродягу, обтрепанный, хромо́й человек.

И тут наконец Мегрэ осенило, и коротенькая фраза, которую он так долго и тщетно пытался припомнить, неожиданно всплыла в его памяти: «Он не выносил шума».

Трамбле, этот бедняк, убитый в ту минуту, когда он в нижнем белье сидел на краю постели и скреб свои больные подошвы, Трамбле, живший на улице Де-Дам с пятью детьми, озорниками и неслухами, и с женой, которая только и знала, что ныть да жаловаться, – этот Трамбле не выносил шума.

Есть люди, которые не выносят определенных запахов, другие боятся холода или жары. Мегрэ запомнился один бракоразводный процесс: разводились супруги, прожившие вместе не то двадцать шесть, не то двадцать семь лет. Требуя расторжения брака, муж заявил суду:

– Я не могу привыкнуть к запаху моей жены.

А Трамбле не выносил шума. И потому, когда он в силу каких-то пока еще неясных обстоятельств получил возможность оставить работу в фирме «Куврэр и Бельшас» на шумной улице Сантье, он устроил себе пристанище здесь, на одной из самых пустынных набережных Парижа.

Это была тихая, широкая набережная. У причалов лениво покачивались на воде ряды сонных барж. Вокруг все дышало провинциальным покоем – и стоящие вдоль Сены маленькие двухэтажные домики, среди которых случайно затесалось несколько многоэтажных домов и бистро, где, казалось, никогда не бывает посетителей, и дворы, где прохожий с удивлением замечал копающихся в навозе кур.

Открытие принадлежало папаше Ла Сериз, хромому оборванцу, квартировавшему под ближайшим мостом, как сам он не без высокопарности заявил, когда раньше других пришел со своим сообщением в префектуру.

Пока он ожидал приема, их явилось еще трое – разношерстная публика, но все такие же оборванцы, как и папаша Ла Сериз, типы, которых не встретишь нигде, кроме как на парижских набережных.

– Я первый пришел, правда ведь, комиссар?.. Полчаса тут сижу... Их еще и не было... Так что награда мне причитается...

– Что еще за награда?

– А что, разве не дают награды?

Где же справедливость? Папаша Ла Сериз был искренне возмущен.

– Как же так? За сбежавшую собачонку и то награду дают. А тут человек хочет показать, где жил этот несчастный, которого убили...

– Ладно, сообразим для тебя что-нибудь, если дело будет

того стоять.

И они начали спорить и торговаться: сто франков... пятьдесят... Сошлись на двадцати. Его взяли с собой. И вот они стоят перед побеленным известью двухэтажным домиком с закрытыми ставнями.

– Я его здесь почти что каждое утро видел. Придет и сядет с удочкой вон там, как раз где буксир... Тут и завязалось наше знакомство... Поначалу дела шли у него неважно. Но я ему помог: объяснял, давал советы. И славных же брал он потом плотичек, и можно сказать – на голый крючок! С моей помощью, конечно... В одиннадцать часов смотает, бывало, лески, свяжет удочки и отправляется домой... Так я и узнал, где он живет...

Мегрэ позвонил – на всякий случай, – и внутри дома гулко отозвался дребезжащий старенький звонок. Люка взялся за отмычки, и через минуту дверь была открыта.

– Я тут буду, неподалеку, – сказал папаша Ла Сериз, – в случае чего, вы меня позовите.

В первый момент им стало даже как-то не по себе: из дома на них пахнуло запустением, а между тем там слышался какой-то странный шорох. Не сразу можно было сообразить, что это летают в своих вольерах канарейки.

Вольеры стояли в двух комнатах нижнего этажа, сами же комнаты казались голыми, нежилыми, потому что, кроме клеток для птиц, ничего другого в них почти не было.

Голоса громко звучали в пустом помещении. Мегрэ и Лю-

ка ходили по комнатам, открывали двери, создавая неожиданные сквозняки, от которых в комнате, выходявшей окнами на улицу, вздувались единственные во всем доме оконные занавески.

Сколько лет эти стены не оклеивались заново? Бумажные обои совершенно выцвели, и на них темными пятнами обозначались силуэты всевозможной мебели, стоявшей здесь в разное время, – следы, оставленные всеми, кто прежде жил в этих комнатах.

Люка с удивлением смотрел на комиссара, который раньше, чем приняться за дело, налил канарейкам свежей воды и насыпал в кормушки мелкого и блестящего желтого семени.

– Понимаешь, старина, здесь он по крайней мере мог побыть в тишине...

У одного из окон стояло плетеное ивовое кресло старинного фасона, был также стол, два – три разномастных стула и на полках – целая коллекция исторических и приключенческих романов.

В нижнем этаже помещалась металлическая кровать, застланная роскошным пуховым одеялом красного атласа, отливавшего на свету всеми цветами радуги – мечта какой-нибудь богатой крестьянки.

– Он здесь, пожалуй, не очень-то веселился, как по-вашему, начальник?

Кухня. Тарелки, стаканы, сковородка. Мегрэ принялся: от сковородки пахло рыбой. В мусорном ящике, который не

опорожнялся, наверно, несколько дней, лежали рыбы кости и чешуя. В нише был аккуратно расставлен набор удочек.

– Вы не находите, что это забавно придумано, а?

Как видно, Трамбле понимал счастье по-своему. Тихие комнаты, куда кроме него никто не входил. Рыбная ловля на набережных Сены. У него было два складных стула, из которых один усовершенствованного образца, видимо, очень дорогой. В красивых клетках – певчие птицы. И книги, уйма книг в пестрых обложках: книги, которыми он мог наслаждаться в тишине и покое.

Но самым любопытным был контраст между бедностью всей обстановки и отдельными дорогими вещами. Среди удочек одна была импортная, английская, стоившая, по меньшей мере, несколько тысяч франков. В одном из ящиков единственного в доме комода лежала золотая зажигалка с выгравированными инициалами «М. Т.» и дорогой портсигар.

– Вы хоть что-нибудь здесь понимаете, начальник?

Да, Мегрэ, кажется, начал понимать. Особенно после того, как нашел несколько совершенно бесполезных вещей, вроде великолепного игрушечного электропоезда.

– Видишь ли, ему столько лет хотелось иметь такие вот вещи...

– Вы думаете, он этим поездом играл?

– Я бы не поручился, что нет... А тебе разве никогда не случалось покупать вещи, о которых ты мечтал в детстве?

Итак, Трамбле приходил сюда утром, как другие приходят на работу, и садился с удочкой напротив своего дома. Потом он возвращался на улицу Де-Дам ко второму завтраку, иногда, быть может, после того, как поел рыбы собственного улова.

Он ухаживал за своими канарейками. Читал. Читал, вероятно, целыми часами, сидя в плетеном кресле у окна. И кругом было тихо, никто не тормозил его, никто не кричал. Время от времени он ходил в кино, иногда вместе с дочерью. И однажды он купил ей золотые сережки.

– Как вы думаете, эти деньги, на которые он жил, он получил их в наследство или украл?

Мегрэ ничего не ответил. Он все ходил из комнаты в комнату и смотрел, а перед домом стоял на часах папаша Ла Сериз.

– Поезжай обратно на набережную Орфевр. Вели разослать запросы во все парижские банки: надо выяснить, не открывал ли у них Трамбле текущего счета, необходимо запросить также нотариальные и адвокатские конторы...

Однако он мало на это рассчитывал. Слишком уж осмотрителен был Трамбле, слишком крепко сидела в нем исконная крестьянская осторожность, чтобы он решился держать свои деньги в таком месте, где их могли обнаружить.

– Вы останетесь здесь?

– Да, я здесь пробуду, наверно, всю ночь... Послушай... Принеси мне бутербродов и две-три бутылки пива... И по-

звони жене, предупреди, что, возможно, я сегодня домой не приеду... Позаботься, чтобы газеты об этом доме пока ничего не писали.

– Если хотите, я вернусь составить вам компанию или пришлю кого-нибудь из инспекторов.

– Не стоит.

У него даже не было с собою оружия. К чему?

И потекли часы, очень похожие, должно быть, на те, что проводил в этом доме его хозяин. Мегрэ даже перелистал несколько книг из его своеобразной библиотеки. Почти все они были перечитаны по нескольку раз.

Потом он долго копался в удочках, ему казалось, что такому человеку, как Трамбле, удочки должны были представляться идеальным тайником.

– Две тысячи франков в месяц в течение семи лет...

Солидный капиталец. Не говоря уже о деньгах, которые он тратил лично на себя... Но где-нибудь да была же она спрятана, эта кубышка?

В восемь вечера, когда Мегрэ в поисках тайника принялся обследовать вольеры, у подъезда остановилось такси.

Это приехал Люка в сопровождении какой-то девицы, у которой было, видимо, очень неважное настроение.

– Я не знал, что делать, телефона здесь нет, – бригадир был несколько смущен. – В конце концов я решил, что лучше всего привезти ее к вам сюда. Это – любовница...

Рослая, крупная брюнетка с грубоватым, мучнистого цве-

та лицом. Настороженно глядя на комиссара, она процедила:

– Надеюсь, меня не собираются обвинить в том, что это я убила его?

– Входите, входите... – тихо сказал Мегрэ, – в этом доме вы, наверно, ориентируетесь лучше меня...

– Я?.. Впервые эту грязную дыру в глаза вижу... Пять минут назад я даже не знала, что она на свете существует... Да, воздух здесь не то чтобы очень.

У нее чувствительностью отличался нос, а не барабанные перепонки. И, садясь, она прежде всего смахнула пыль с предложенного ей стула.

IV. Четвертая жизнь Мориса Трамбле

Ольга-Жанна Мари Пауссонно, 29 лет, родом из Сен-Жорис-сюр-Изер, без определенных занятий, адрес: отель «Во Сежур», улица Лепик, Париж, 18-й округ.

И тут же эта громадина с круглой, наподобие луны, физиономией затараторила:

– Прошу отметить, господин комиссар, что я к вам явилась добровольно. Как только я в газете увидела его фотографию, я себе сказала: я не должна бояться неприятностей, я...

– Трамбле приходил к вам в отель?

– Да, два раза в неделю...

– Так что хозяин и персонал знали его в лицо?

– Еще бы! Очень хорошо знала. Последние пять лет, с тех пор как это началось...

– Они тоже видели фотографию...

– Что вы хотите сказать?

Она закусила губу – сообразила наконец.

– Да, хозяин действительно спросил у меня, не фотография ли это мосье Шарля... Но я и так пришла бы...

– Не сомневаюсь. Стало быть, вы знали его под именем мосье Шарля?

– Я познакомилась с ним случайно, на бульваре Рошешуар, выходя из кино... Я служила тогда буфетчицей в ресторане самообслуживания на площади Клиши... Он за мной увязался... Он сказал мне, что бывает в Париже только наездом...

– Два раза в неделю...

– Да... Когда мы встретились во второй или в третий раз, он проводил меня до отеля и зашел ко мне... Так это и началось... Это он настоял, чтобы я бросила работу...

Почему она понравилась Трамбле? Очевидно, потому, что Жюльетта была маленькая, щуплая и белобрысая, а эта – высокого роста, черноволосая и сдобная. Сдобная – это, конечно, основное. И, видимо, ее круглое, лунообразное лицо связывалось в представлении Трамбле не только с округлостью форм, но и с мягкостью характера, быть может, даже с чувствительностью?

– Я скоро поняла, что он немного того...

– Что значит «того»?

– Ну, во всяком случае, с фантазиями... Он вечно твердил, что увезет меня в деревню... Только об этом и мечтал... Не успеет, бывало, прийти и уже тащит меня куда-нибудь в парк посидеть на скамеечке... Он приставал ко мне с этой своей идиотской деревней несколько месяцев, все просил, чтоб я с ним поехала туда хоть на пару деньков, и уговорил-таки в конце концов... Вы, может, думаете, мне там было очень весело? Как бы не так!..

– Он содержал вас?

– Он давал мне только на самое необходимое... Приходилось верить его, будто я шью себе все сама... Ему, видите ли, хотелось, чтобы я все дни просиживала за шитьем и за штопкой... Комедия, да и только!.. Я его сто раз выставляла и говорила ему... Чего только я ему не говорила! А он хоть бы что, прицепился – не оторвать, является потом с подарками, письма пишет длиннющие... Что вы смеетесь?

– Да нет, ничего...

Бедный Трамбле! Он хотел отдохнуть от Жюльетты и наорвался на Ольгу!

– В общем, когда вы встречались, у вас немало времени уходило на ссоры...

– Это да, немало уходило времени...

– И вы ни разу не поинтересовались и не пошли за ним, чтобы узнать, где он живет?

– Он мне сказал, что где-то в районе Орлеанского вокзала, я и поверила... А в общем, мне это было все равно...

– У вас был, вероятно, еще друг?

– Да, у меня, конечно, были друзья... Но серьезного – ничего...

– А вы им рассказывали о своих отношениях с мосье Шарлем?

– Уж не думаете ли вы, что я им очень гордилась? Он был похож на пономаря из бедного прихода...

– Вы никогда не видели его в обществе других лиц?

– Никогда... Я же вам говорю, что для него вся радость была посидеть со мной где-нибудь в парке на скамеечке... Это правда, будто он был очень богатый?

– Кто вам сказал?

– Я читала в газете, что, по всей вероятности, он получил большое наследство... А я осталась без гроша в кармане... Такая уж, видно, моя судьба...

Смотрите-ка, совсем как Жюльетта!

– Скажите, у меня могут быть неприятности?

– Ну, что вы! Просто проверим ваши показания. Ясно, Люка?

И показания подтвердились полностью, вплоть до скандалов, которые Ольга закатывала бедняге Трамбле всякий раз, когда он приходил к ней, потому что характер был у нее собачий.

В течение ночи и части следующего дня Мегрэ обыскал в доме на Привокзальной набережной все уголки и закоулки, но так ничего и не нашел.

Не без сожаления покинул он этот дом, где провел столько часов как бы наедине со своим «беднягой» и близко заглянул в его жизнь. Мегрэ приказал установить за домом круглосуточное тайное наблюдение, для чего поблизости должны были дежурить несколько полицейских инспекторов.

– Что-нибудь это нам все-таки даст, – сказал он начальнику сыскной полиции. – Возможно, потребуется какое-то время, но я думаю, что в конце концов результат будет по-

ложительный.

Проверили, нет ли какого-нибудь подозрительного дружка у Франсины. Была организована слежка за Ольгой. Велось наблюдение за оборванцами с Привокзальной набережной.

Из банков на запросы пришли отрицательные ответы, точно так же, как и от нотариусов. Отправили телеграмму в Канталь, и можно было, видимо, считать установленным, что никакого наследства Трамбле не получал.

По-прежнему стояла жара. Трамбле похоронили. Его жена и дети готовились к отъезду в провинцию, потому что теперь средства не позволяли им жить в Париже.

Известна была жизнь Трамбле с улицы Де-Дам, известна была жизнь Трамбле с Привокзальной набережной и его жизнь с Ольгой... Был известен любитель рыбной ловли, канареек и приключенческих романов...

О том, что можно было бы назвать четвертой жизнью Трамбле, рассказал официант одного из парижских кафе. Человек этот явился однажды утром на набережную Орфевр и попросил, чтобы Мегрэ его принял.

– Извините, что я не пришел к вам раньше, но я все лето работал в Сабль-д'Оонн... Когда я увидел в газете эту фотографию, я собрался было написать вам, но потом как-то вылетело из головы. Я почти уверен, что это тот самый господин, который приходил играть на бильярде к нам в кафе: это на углу бульвара Сен-Жермен и улицы Сены.

– Но у него, разумеется, был партнер?

– Да, конечно... С ним приходил еще один, такой худой, длинный, с рыжими волосами, с усиками. Трамбле звал его Теодором, они были на «ты». Приходили они ежедневно и всегда в одно время, часов около четырех, уходили около шести... Теодор пил аперитивы. В отличие от него Трамбле к спиртному не притрагивался.

В большом городе человек пришел, ушел – и нет его, однако через некоторое время здесь ли, в другом ли месте, но след его непременно обнаруживается. Следы Трамбле отыскались у продавца птиц с Луврской набережной и в подозрительном отеле на улице Лепик.

А теперь еще оказывалось, что он вместе с каким-то рыжеволосым верзилой много лет подряд ходил в скромное кафе на бульваре Сен-Жермен.

– Когда вы его видели в последний раз?

– Я уже больше года, как ушел с того места...

Торанс, Жанвье, Люка и другие инспекторы отправились в поход по всем парижским кафе и ресторанчикам, где есть бильярды, и недалеко от Нового моста им удалось напасть на след обоих приятелей – в течение нескольких месяцев они ходили сюда играть в бильярд.

Однако все сведения о Теодоре ограничивались тем, что он сильно пьет и каждый раз, приложившись к стаканчику, машинально вытирает усы тыльной стороной ладони.

– Человек скромного достатка, одет скорей даже бедно... Платил всегда Трамбле.

Полиция разыскивала Теодора в течение нескольких недель, но он оставался неуловим. И вот однажды Мегрэ пришла в голову мысль заглянуть в контору фирмы «Куврэр и Бельшас».

Принял его мосье Мовр.

– Теодор? Да, один Теодор у нас действительно служил, только очень давно... Погодите... Он ушел от нас лет двенадцать назад... Я уверен, что он был знаком с мосье Трамбле... Этот Теодор – я могу выяснить его фамилию по картотеке – служил у нас рассыльным, и мы уволили его за постоянное пьянство и за то, что, напившись, он держал себя с недопустимой развязностью...

Фамилию выяснили – Балар. Теодор Балар. Однако в меблированных комнатах Парижа и предместий никакого Балара обнаружить не удалось.

Еще один туманный след: лет пять назад некий Теодор Балар несколько недель работал при карусели в балаганах на Монмартре. В один из вечеров, напившись пьяным, он сломал себе руку, с тех пор его там больше не видели.

Этот человек и субъект с пневматическим ружьем из отеля «Эксельсиор», несомненно, одно и то же лицо...

Какой случай свел его снова с кассиром фирмы, где сам он служил всего-навсего рассыльным?.. Как бы то ни было, эти два человека регулярно встречались и играли в бильярд.

Быть может, Теодор проник в тайну своего приятеля? Или догадался, что в доме на Привокзальной набережной спря-

таны деньги? А может быть, друзья поссорились?

– Продолжайте наблюдение за набережной...

И наблюдение продолжалось. Вскоре в сыскной полиции появилась дежурная шуточка:

– Что ты сегодня вечером делаешь?

– Стерегу канареек...

Но именно это и привело к успеху. Однажды ночью в дом забрался долговязый худой человек с рыжеватыми усами и висевшей, как плеть, рукой. Он был похож на нищего калеку.

Толстяк Торанс бросился на него сзади, и тот стал умолять, чтобы его не трогали.

Беднягой был Трамбле, беднягой оказался и его убийца. На Теодора жалко было смотреть. Он, видимо, уже несколько дней ничего не ел и, не имея приюта, скитался по улицам и набережным.

Он догадывался, конечно, что за домом следят, поэтому он так долго и не решался в него проникнуть, однако под конец не выдержал.

– Тем хуже! – проговорил он со вздохом. – Ну да уж лучше так... Есть хочется, больше не мог...

В два часа ночи он все еще сидел у Мегрэ в кабинете, поглощая стоявшие перед ним бутерброды и пиво, и с готовностью отвечал на все вопросы, какие ему задавали.

– Я, конечно, сволочь, сам знаю. А вот вы не знаете, как этот Морис скрытничал и юлил... Ведь ни разу не проговорился, что у него здесь на набережной дом есть... Не дове-

рлял... Играть со мной в бильярд – это пожалуйста, а насчет остального, тут он признавал только свои «kozyри»... Это вам как покажется?.. Случалось, брал я у него денег взаймы, по мелочи, конечно, так вы бы видели, как из него приходилось вытягивать...

Может, я и погорячился, это верно... Я сидел без гроша... Надо было платить хозяйке за комнату... Тут он мне и сказал, что это в последний раз, что дураков, мол, нету и, кроме того, бильярд ему уже надоел...

В общем, выставил меня, точно лакея какого-нибудь...

Вот тогда я его и выследил, понял, какую он жизнь ведет, – и догадался, что здесь в доме непременно припрятаны деньги...

– И для начала вы решили его убить... – буркнул Мегрэ, затыкаясь трубкой.

– Это только показывает, что я не из корысти так поступил, а потому, что он меня обидел... Иначе я просто пошел бы на набережную, когда его там не было...

Не меньше десяти раз обыскивали пресловутый дом самые опытные эксперты, и лишь когда год спустя его продали и никто не вспоминал уже об убийстве Трамбле, деньги, наконец, нашлись.

И спрятаны они были не где-нибудь в стене или под паркетом, а просто-напросто лежали укромно в заброшенном чуланчике на втором этаже.

...Это был клеенчатый, туго набитый ассигнациями па-

кет, в котором оказалось больше двух с половиной миллионов франков.

Услышав эту цифру, Мегрэ сделал быстрый подсчет – и все понял. Он сел в такси и вышел у павильона Флоры.

– У вас имеется список лиц, получавших выигрыши Национальной лотереи?

– Полного списка нет, некоторые желают сохранить свой выигрыш в тайне – закон предоставляет им такое право... Вот, например, семь лет назад...

Это был Трамбле. Он выиграл три миллиона. Он унес их с собой, крепко зажав под мышкой пакет с ассигнациями. И он никогда и никому не сболтнул о них ни словечка, этот не выносивший шума Трамбле, которому выигрыш открыл доступ к маленьким, но прежде недоступным для него радостям.

«Бедняков не убивают...»

И все же он был всего лишь бедняк, бедняк, убитый у себя на постели, где он сидел в нижнем белье и чесал на сон грядущий свои больные подошвы.